
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

К. В. ПОДЪЯЧЕВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. И ИХ СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

В данной статье рассматривается проблема истоков и последствий Великой русской революции 1917 г. в связи с современными трансформациями. Особенное внимание автор обращает на вопрос о революции как о факторе развития. В статье предлагается отказаться от недооценки Февральской революции и рассматривать ее как составляющую единого процесса распада традиционной русской государственности наряду с убийством Александра II и Октябрьской революцией. Анализируя современную ситуацию, автор указывает на то, что сегодня локальные акторы, то есть те, кто формирует социальную атмосферу локальных сообществ, однозначно настроены против любых попыток организации в России каких бы то ни было преобразований насильственным путем. Российский локальный актор, обладая всеми качествами турэнновского «действующего субъекта», по своим ценностным ориентациям является скорее интегратором в понимании Парсонса. В особой социокультурной специфике России автор видит основание для надежды на то, что российское общество сможет пройти современные глобальные трансформации путем эволюционным, а не революционным.

Ключевые слова: *Россия, революция, трансформации, история, социология, политика, коммуникация, гражданское общество, реформы.*

То, что советский период российской истории, несмотря на свою ничтожную (в исторических масштабах) временную протяженность, сыграл важнейшую роль в развитии страны и всего мира, не подлежит сомнению.

Анализируя революционные события 1917 г., особенно в сопоставлении их с событиями 1991 г. и текущей ситуацией, можно сделать некоторые обобщения, дающие надежду на то, что они послужат в дальнейшем формированию целостной картины произошедшего и поспособствуют извлечению важных для современности уроков.

Постановка задачи

Опираясь на теоретический конструкт, предложенный нами ранее (Подъячев 2012), следует рассмотреть события 1917 г. и всего последующего советского периода (в границах возможного), имея в виду выявление некоторых особенных черт, которые могли бы выступать характеристикой отечественной специфики развития.

Конечно, определенную проблему представляет собой отсутствие как в академическом, так и в публичном дискурсах консенсуса даже по базовым подходам к оценке тех знаковых исторических событий. Роль Николая II, вмешательство иностранных держав во внутренние дела России в этот период, предательство имперской военной элиты и, самое главное, смысл и значение Февраля – все это до сего дня остается окутано туманом противоречивых суждений, относящихся часто вовсе не к науке, но к области конспирологии и псевдомистических спекуляций. Год столетия революции, когда, казалось бы, сама дата должна была способствовать активизации мыслительного процесса в данном направлении, к сожалению, не принес существенных прорывов. Несмотря на прямой призыв президента РФ «еще раз обратиться к причинам и самой природе революции в России» (Путин 2016), научным сообществом в этой области было сделано немного. Кажется, куда больший вклад внесли музеи: они организовали в юбилейный год несколько замечательных выставочных проектов¹, которые по глубине погружения в эпоху и уровню осмысления событий оставили позади собственно научную аналитику.

---

¹ В качестве наиболее значимых отметим тематические выставки в Государственном Эрмитаже, Третьяковской галерее, Русском музее, Свердловском областном краеведческом музее, Владимиро-Суздальском историко-художественном музее-заповеднике. Автор имел возможность лично самым внимательным образом ознакомиться с подготовленными там выставочными проектами.

Что же касается советской истории, то здесь ситуация еще более неоднозначная. Несмотря на все усилия властей, пытающихся найти некую формулу примирения по испанскому образцу (широко празднуя 9 Мая, акцентируя полет Гагарина, спортивные достижения [фильм «Движение вверх»] и одновременно открывая памятники А. Солженицыну и жертвам репрессий), поляризация общественного мнения сохраняется. Каждый год в марте (день кончины И. В. Сталина) и мае (День Победы) в сетевом сообществе поднимается бурная волна полемики, затем переходящая в СМИ. С годами состав участников дискуссий и их аргументация практически не меняются. Вновь и вновь пытаются нейтрализовать «Бессмертный полк» при помощи «Бессмертного барака».

Количественные социологические исследования также указывают на определенные противоречия в массовом сознании: «...в последние годы отмечается рост симпатий, с одной стороны, к таким деятелям революции, как Ленин, Дзержинский, Сталин, с другой – к Николаю II, Колчаку» (Октябрьская... 2017).

В этой ситуации задача формирования целостной картины произошедшего в России представляется весьма и весьма непростой. Данная работа не является специальным историческим исследованием, и сколько-нибудь серьезный анализ причин революции, не говоря уже о событиях всего советского периода, никак не может быть выполнен в ее рамках. Вместе с тем представляется крайне важным выявить в революционных событиях то, что может пролить свет на особенности «развития по-русски» и дать материал для теоретических обобщений более высокого порядка.

Позволим себе привести здесь цитату выдающегося французского историка и методолога социогуманитарного знания М. Блока, довольно обширную, но, как нам кажется, весьма важную для понимания стоящей перед нами задачи. Ведь французская историческая наука весь XIX в. была сотрясаема спорами о роли Ж.-Ж. Руссо, о причинах Революции 1789–1792 гг. и оценке ее итогов, об историческом значении Наполеоновских войн и т. п. В этих бурных дискуссиях аргументы сторон едва ли не дословно совпадали с теми, что сегодня звучат в спорах о революции 1917 г. и сталинском периоде. Итак, обращаясь к проблеме оценки исторических событий, М. Блок писал: «...историк с давних пор слывет неким судьей под-

земного мира, обязанным восхвалять или клеймить позором погибших героев. Надо полагать, такая миссия отвечает прочно укоренившемуся предрассудку... Тут особенно уместно замечание Паскаля: “Все играют в богов, творя суд: это хорошо, а это плохо”. При этом забывают, что оценочное суждение оправдано только как подготовка к действию и имеет смысл лишь в отношении сознательно принятой системы нравственных рекомендаций. Достаточно ли мы уверены в самих себе и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев?.. Полбеда, если бы приговор только следовал за объяснением; тогда читатель, перевернув страницу, легко мог бы его пропустить. К несчастью, привычка судить в конце концов отбивает охоту объяснять. Чтобы проникнуть в чужое сознание, отдаленное от нас рядом поколений, надо почти полностью отрешиться от своего Я. Но, чтобы приписать этому сознанию свои собственные черты, вполне можно оставаться самим собою. Последнее, конечно, требует куда меньше усилий» (Блок 1986: 79).

Таким образом, от нас требуется определенное интеллектуальное и нравственное усилие, чтобы остаться на почве науки и не уклониться в сферу политико-идеологическую.

Социология революции

В нашем анализе мы прибегнем к работе П. А. Сорокина «Социология революции», которая, хотя и считается большинством исследователей неоднозначной и весьма спорной, содержит ряд важных выводов. Несомненным достоинством работы является то, что ее автор – живой свидетель революции и Гражданской войны, и одновременно – один из крупнейших социологов XX в. А тот богатейший исторический материал, который привлекает в своем анализе Сорокин, дает крепкое основание для теоретических обобщений.

П. А. Сорокин был непримиримым противником большевиков и В. И. Ленина в частности. Но в своих работах Сорокин и Ленин «независимо друг от друга выделяют схожие факторы, приводящие к революциям» (Студеникина 2014: 318), что также может служить доказательством релевантности полученных выводов.

Возьмем за основу двухчастную модель социума, представляющую всю область социального как пространство взаимодействия

двух сфер: *политической*, существующей в логике власти-подчинения, и *общественной*, основанной на игре интересов и договоре. В этом случае мы можем определить революционную ситуацию именно как распад связи между политическим и неполитическим и одновременно – разложение самого политического на отдельные фракции, уже не способные к адекватной коммуникации.

По нашему мнению, именно коммуникационный разрыв и стал главной причиной столь легкого и быстрого крушения великой империи, произошедшего в марте 1917 г. Анализ мемуаров участников событий показывает, что именно легкость и быстрота ликвидации вековой монархии более всего поразили современников, абсолютно этого не ожидавших. Тогдашнее образованное общество давно желало революции и сочувствовало революционерам. Но никто, включая самих революционеров, не ожидал, что она произойдет столь быстро и, в общем-то, буднично. А такое легкое падение властной системы, некогда столь могучей, связано было прежде всего с коммуникационным разрывом, когда власть и громадное большинство населения жили словно бы в разных мирах и, произнося одни и те же слова, с трудом понимали друг друга. Это можно назвать эффектом Вавилонского столпотворения: люди пользуются одними и теми же словами, но вкладывают в них различный смысл, вследствие чего любые переговоры становятся невозможными.

Как частный, но весьма показательный пример можно привести опыт Великого князя Константина Константиновича. Это был не только высокородный представитель династии, но и блестяще образованный, разносторонне одаренный человек. Так, в 1889–1915 гг. он занимал должность президента Императорской Академии наук (предшественницы РАН), получил немалую известность как поэт (под псевдонимом К. Р.). Кроме того, он не отстранялся от народной жизни, подобно многим другим аристократам (чей круг общения ограничивался исключительно великосветским обществом, отдых проводился исключительно за рубежом). В 1901 г. Константин Константинович с семьей отдыхал в имении Прыски недалеко от города Козельска и там довольно тесно общался с местными жителями, в том числе и с крестьянами. Дети Великого князя тогда сдружились с крестьянскими мальчиками Гришей и Капитоном, проводили с ними немало времени, и сам Константин Константи-

нович несколько раз, гуляя с детьми, брал с собой и этих мальчиков. Но внимательный анализ его дневников, хотя бы даже периода пребывания в Прысках, свидетельствует о том, что он абсолютно не понимал ситуацию в стране, не чувствовал подлинных настроений народа (Милые... 2016: 64–139). Что говорить о других, не столь интеллектуальных представителях царствующего дома и аристократии?

По этой причине власть сделалась малоспособной к восприятию поступающих от общества сигналов (равно как и общество – к пониманию логики власти). А отсутствие этого необходимого (как отмечали политические мыслители разных эпох – от мудрецов Древней Индии [см.: Каутилья 1993] до Д. Истона) условия нормального функционирования системы управления не сулит никакого иного исхода, кроме крушения государства.

Прозападные либералы во главе с князем Г. Е. Львовым или же социалисты из Петросовета, в руки которых власть буквально «упала» в результате Февральской революции, были едва ли не еще более далеки от реальности, чем царская бюрократия. Они также не справились с задачей создания действующей коммуникационной системы в охваченной революцией стране. А большевики (и отчасти эсеры) смогли освоить язык широких слоев населения и говорить с людьми о том, что тех действительно волновало (земля, мир). Потому абсолютно прав П. А. Сорокин, настаивающий после на предрешенности Октябрьской революции после крушения монархии (Сорокин 2005: 388).

Но, на наш взгляд, Сорокин, вскрыв глубинные причины произошедших потрясений, допустил существенную ошибку, упустив из виду духовно-нравственную составляющую. Поэтому главную роль в революционных трансформациях он отдает «безусловным рефлексам» (Там же: 382). И лишь второстепенную – «условным рефлексам», к которым, по его мнению, относится идентичность, этническая и религиозная.

Здесь Сорокин не расходится с марксизмом, вполне следуя материалистической линии социальной мысли. У истоков ее стояли французские мыслители Ф. Кенэ (1694–1774 гг.), П. Кабанис (1757–1808 гг.) и др. Природу человека они понимали сугубо механистически, а в мышлении видели побочный продукт естественных от-

правлений организма. Характеристику этого направления мышления в свое время дал А. де Токвиль: «...уверовав, что они (материалисты, физиократы. – *К. П.*) вполне доказали свое тождество с животными, они при этом обнаруживают столько гордыни, словно им удалось убедиться в собственной богоравности» (Токвиль 2000: 399). Хочется думать, что эта характерная для вольнодумцев XVIII–XIX вв. мода видеть во всем только материальные причины уже миновала.

Мы наблюдаем в истории множество примеров, когда трудности и испытания сплывали и укрепляли общество. Надо полагать, что причины, перечисленные Сорокиным, действительно способствуют формированию ситуации, когда коммуникация между властью и обществом, различными группами социума, становится крайне затруднительной, что делает весьма вероятным возникновение неконтролируемой вспышки насилия. Но детонатором революционного взрыва могут выступать только факторы нематериального, неинстинктивного характера.

Революция и социальная антисистема

Очень важным представляется нам фактор антисистемы – организованной социальной группы, намеренно провоцирующей революцию и преследующей цель не просто смены политической власти, но разрушения всей социальной системы. К сожалению, в своем анализе Сорокин прошел мимо этого. Между тем антисистемы проявляли себя на протяжении всей человеческой истории.

Причин возникновения антисистем немало, они могут быть связаны с этническими, религиозными и рядом других факторов, останавливаться на которых в рамках данного текста нет возможности. Несомненно, «ущемления базовых инстинктов», о которых пишет Сорокин, способствуют росту популярности антисистемы, создают для нее благоприятную среду, но само ее формирование связано опять же с факторами нематериального характера. Основой ее, согласно Льву Гумилеву, является «обратная система мироощущения» (Гумилев 2008а: 206), воспринимающая само бытие как безусловное зло. Корни такого миропонимания лежат глубоко в человеческой природе и требуют отдельного исследования, хотя вряд ли они вообще поддаются анализу. Как указывал видный со-

временный православный богослов и миссионер, протоиерей А. Мень, «единственное, что лежит по ту сторону любого объяснения, – это сам порыв богопротивления, он иррационален по своей природе. Нет таких слов и понятий, которые могли бы осветить эту темную бездну» (Мень 2006: 428). Но где бессильна наука, возможно, свое слово способно сказать искусство. По общему мнению, один из самых глубоких и тонких психологов в мировой литературе, Ф. М. Достоевский, так описал этот феномен: «...есть и во аде пребывшие гордыми и свирепыми, несмотря уже на знание бесспорное и на созерцание правды неотразимой. Для тех ад уже добровольный и ненасытимый. Ибо сами проклинали себя, прокляв Бога и жизнь. Злобною гордостью своей питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал. Требуют, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожил себя Бог и все создание свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия» (Достоевский 1958: 405).

Впрочем, столь последовательны в своем отрицании жизни только классические (религиозные) антисистемы. Они в самом деле отвергают саму жизнь и рассматривают все материальное, все наблюдаемое органами чувств как безусловное зло, подлежащее ликвидации. Но при этом они и крайне редко выступали в открытую, как сатанизм и оккультизм. Как правило, они успешно маскировались под традиционные позитивные религии, исповедуемые большинством населения. В Европе антисистемы укрывались внутри католической церкви, в Византии, России они выдавали себя за православных, в странах ислама – за мусульман.

Из того, что нам известно, можно назвать гностические и манихейские секты Античности, маздакитов в средневековом Иране (Гумилев 2008а: 98), исмаилитов и карматов в мусульманском мире (Бертельс 1959), павликиан в Византии, катаров, патаренов, николаитов и пр. в Западной Европе. В средневековой России антисистемы были представлены различными еретическими сектами: жидовствующими, стригольниками, капитоновцами и т. п. Существует мнение, что и прославившиеся своей жестокостью опричники Ивана Грозного были связаны с антисистемным сектантством (Гумилев 2008б: 187–189). О более ранних исторических периодах ничего существенного сказать невозможно по причине отсутствия сколь-

ко-нибудь надежных источников. Но стоит обратить внимание на то, что в мифах и сказках почти всех народов упоминаются злые волшебники, иногда описываемые весьма реалистично. Это может свидетельствовать о том, что антисистемы существовали и в далекие эпохи.

Современные антисистемы, которые можно назвать социальными, в отличие от религиозных, отвергают не все мироздание, но только культуру, то есть то, что создано человеком, и прежде всего существующие формы социальной организации. Как правило, это отрицание подается в красивой упаковке вполне положительных устремлений: избавления от угнетения, расширения пространства свободы, самореализации индивида, повышения уровня жизни и т. п. Но это не должно вводить в заблуждение: ведь такая «маскировка» характерна и для религиозных антисистем, на что указано выше.

Пожалуй, главная черта, отличающая антисистему, – это принцип отрицания. Если какое-либо политическое движение может очень хорошо, красочно описать, *против чего* оно выступает, и намного слабее и беднее выражает, *за что*, – очень высока вероятность, что перед нами социальная антисистема.

Кроме того, антисистемы могут и не выступать в качестве институционально организованной силы (тоталитарной секты, масонской ложи, ленинской «партии нового типа»). Часто достаточно лишь определенной доктрины, причем весьма размытой, но повернутой в «упаковку» из красивых слов и поэтических метафор. Попав в массы, такая идеология в дальнейшем работает сама, разлагая и подтачивая базовые основания социального бытия. И это тоже не есть явление исторически новое. Разница лишь в том, что в Средневековье антисистемная идеология распространялась через разговоры на базарах и церковных папертях, а в наши дни – через блоги и социальные сети.

Но если истоки антисистемного мироощущения и не поддаются непосредственному анализу, то вполне возможно изучать социальные формы и действия, через которые это мироощущение выражается. Тем не менее феномен антисистемы исследован крайне слабо. И даже имеющиеся работы посвящены преимущественно событиям далекого прошлого. Французский историк О. Кошен показал

антисистемный характер философских обществ и масонских лож XVIII столетия, сыгравших существенную роль в свержении дома Бурбонов в 1789–1792 гг. и установлении якобинской диктатуры (Кошен 2004). Что касается значения антисистемы в революционных событиях XX в. в России, то почти все существующие работы по данной проблеме существенно уклоняются в конспирологию или даже в беллетристику в стиле Д. Брауна. Подлинно научные исследования в этой сфере единичны (Немировский 2007).

Но для нас представляется крайне важным отметить роль антисистемы в Русской революции. И это отнюдь не только большевики, эсеры или анархисты (Там же: 207), как можно было бы подумать, исходя из данного нами краткого описания. Скорее в этом качестве правомерно рассматривать все революционное движение (начиная с декабристов и П. Чаадаева), в основном настроенное не только против монархии, но и против православной веры и всей русской традиции. Впрочем, эта проблематика еще ждет своего исследователя.

Здесь же следует сделать только одно замечание, имеющее непосредственное отношение к проблематике данного исследования. Антисистема, будучи явлением «обратным» (что равнозначно отрицательной величине в математике), отрицательно влияет и на развитие. Так как цель ее – разрушение, то она не может способствовать позитивному развитию, которое по определению есть процесс созидательный. Вместе с тем иногда разрушение может играть положительную роль в развитии, например, когда разрушаются некоторые препятствия, удерживавшие в статичном положении определенные социальные силы. Но если такие проявления и можно наблюдать в истории, то это никак не может служить основанием для положительной оценки антисистем. В таких случаях рывок в развитии – это побочный эффект, рассчитывать на который заранее не следует. Ведь если на нашем пути встречается некоторое препятствие, устранять его силой имеет смысл только в том случае, если мы уверены, что сломать получится *только* его. А логика антисистемы не предполагает осознанного ограничения запущенного разрушительного процесса, а если это и происходит, то вследствие действия иных сил и обстоятельств.

Ключевые факторы революции: кризис духовной жизни

Поиск причинно-следственных связей является едва ли не основной задачей собственно научного метода. Но обоснование такой связности остается главным слабым местом позитивной науки, на что указывал еще средневековый мыслитель Абу Хамид аль-Газали (Аверроэс 1999: 528–589). А в области социальной это задача тем более сложная. Ведь здесь нельзя провести эксперимент, позволяющий проверить, наличие какого фактора стало решающим в том или ином событии. Поэтому все, что изложено ниже, представляет собой лишь авторскую гипотезу, основанную на социолого-политологическом анализе, и отнюдь не является отрицанием иных точек зрения, высказанных по преимуществу историками и философами.

Хотя крушение Российской империи было связано с очень сложной комбинацией факторов, решающими, на наш взгляд, стали кризис православия и подъем национализма, порожденный национальной политикой императора Александра III.

Кризис православия восходил, конечно, к церковному расколу XVII в., но его усугубили реформы Петра Великого (упразднение патриаршества) и Екатерины (ликвидация церковного землевладения), ослабившие Церковь и поставившие ее в полную зависимость от светской власти и богатых людей. Хотя в православной церкви и в этот период появлялись поистине великие подвижники: например, миссионер и духовный писатель свт. Тихон Задонский (1724–1783 гг.), восстановитель традиции монашеской аскезы и духовного наставничества прп. Феодор Санаксарский (1718–1791 гг.). Но в целом церковная жизнь находилась в упадке. Синодальная бюрократия и утвердившийся в церковной среде формализм привели к тому, что почти вся свободная мысль была выдвлена из православной церкви в раскол, прежде всего в беспоповщину. А образованное дворянство все больше увлекалось учением французских просветителей, параллельно с естественно-научными знаниями усваивая и разрушительное антисистемное мировоззрение.

После 1812 г. у образованного общества вновь обозначился интерес к религии, к церковной жизни, что в общем соответствовало общеевропейскому консервативному тренду. Сработал принцип «познания по плодам». Ужасы якобинизма и Наполеоновских войн

вызвали серьезные сомнения в состоятельности идейно-философских оснований Французской революции – деизма, рационализма и т. п. Ряд мыслителей, таких как Ф. Шлейермахер, Э. Бёрк, Ж. де Местр, в своем творчестве обратились к традиции и христианской вере. Вошел в моду непонятый при жизни Б. Паскаль.

Удивительным образом приблизительно в это же время начался подъем духовной жизни в русском православии. А поскольку русское духовенство вряд ли увлеченно читало европейских авторов и интересовалось событиями в далекой Франции, этот подъем нельзя связывать с европейским консерватизмом. Совпадение их по времени не есть проявление эмпирически наблюдаемой связи, но само по себе показательно.

Весь XIX в. шло бурное духовное развитие русского православия, своего рода православное Возрождение: оживилась монашеская жизнь, под влиянием контактов с Афоном (в принципе не прерывавшихся с XIV в., но резко интенсифицировавшихся после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.) возобновилась и получила широкое распространение практика старчества. Причем это новое русское старчество очень быстро приобрело характерные черты, весьма отличные и от современного ему греческого, и от древнего, ближневосточного, того, которое мы знаем по житиям раннехристианских подвижников и византийской аскетической литературе.

В этот период появляется целая плеяда блестящих церковных мыслителей, миссионеров и подвижников, многие из которых причислены к лику святых. Среди них можно особенно отметить святителей Филарета и Иннокентия Московских, Игнатия Кавказского, Феофана Вышенского; преподобных Серафима Саровского, Александру Дивеевскую, Моисея, Льва и Амвросия Оптинских, Варнаву Гефсиманского; праведного Иоанна Кронштадтского. В этом отношении взлет русской святости того времени сравним разве только с рубежом XIV–XV вв. (эпохой прп. Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского).

Но в целом православный ренессанс происходил как бы параллельно с общим развитием русской культуры, переживавшей тогда свой золотой век. Сложившийся с конца XVII столетия стиль управления церковью и особая субкультура духовенства не способствовали сближению церковного и светского сообществ. Ситуацию

ухудшало то, что церковный язык не модернизировался, он оставался глубоко архаичным, и этим языком просто невозможно было изложить понятия новой эпохи (Мень 1989).

А. С. Пушкин, например, после увлечения вольтерьянскими идеями обратился к православной традиции, некоторые светские мыслители также повернулись к духовному опыту русского православия (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев). Но в целом при этом разрыв между Церковью и светской культурой только увеличивался. Попытки создания православной философии (то есть построения философской системы на основе православного верования, соединения научно-философского метода и христианской веры, наподобие того, что было проделано в средневековой Европе томистами²), предпринятые такими авторами, как Г. Воскресенский, Ф. Голубинский, С. Гогоцкий, не стали вполне успешными. С одной стороны, они оказали большое влияние на В. С. Соловьева и способствовали формированию русской религиозной философии начала XX в. – одного из значительных явлений в истории мировой мысли. Но для диалога Церкви и светского общества, преодоления трагического разделения они оказались бесполезными. Даже верующие люди в большинстве своем стали воспринимать православие как нечто не относящееся к земной жизни, обращенное всецело к потустороннему, и это порождало тяжелый нравственный раскол, своего рода двоемыслие. Другие же просто уходили от православия и обращались либо к католицизму (П. Я. Чаадаев), либо к сектантскому мистицизму. А познакомившись с творчеством Л. Фейербаха, Л. Бюхнера, а затем и К. Маркса, образованные люди в массе своей стали отвращаться от религии вообще, всецело обращаясь к материализму и социальному утопизму.

Яркий и оригинальный церковный мыслитель А. М. Бухарев (в монашестве архимандрит Феодор, 1822–1871 гг.), выдвигавший идею «освящения мира», также потерпел неудачу, не найдя понимания ни в церковной, ни в светской среде. Хотя его идеи, как представляется, могли бы стать основой диалога, примирения и единения двух потоков русской жизни (церковного и светского).

---

² Последователи св. Фомы Аквинского (1225–1274 гг.), соединившего вероучительную доктрину западного христианства с метафизикой арабского аристотелизма.

Он говорил о том, что православию нужно сделаться «солнцем всей гражданской жизни», во всем круге знаний, искусств и служебных отношений. Богословие Бухарева, хотя и весьма туманно сформулированное, устраняло основания для какого-либо противопоставления православной веры и культуры (в самом широком смысле). Бухарев призывал согреть светом подлинной духовной жизни прекрасную, но холодную светскую культуру: «...принять и ничего не упустить во Христе», на основе православия, но не гнушаясь «миром и плотью», воцерковить в духе любви Христовой все области жизни (Архимандрит Феодор... 1997).

Но, к сожалению, ни ретроградно настроенные священноначалие и синодальные чиновники, ни представители светского «культурного» общества не приняли его. Первые сочли его едва ли не еретиком и вольтерьянцем, вторые, невзирая на его идеи, видели в нем монаха, то есть ретрограда и «мракобеса».

В результате к XX в. разделение между Церковью и образованным обществом стало критическим. По словам русского историка и мыслителя Г. Федотова, «оставившая за собой духовный опыт Древней Руси, новая святость (то есть возродившаяся в XIX в. – К. П.) в одном уступает ей. Она почти ничем не связана с национальной жизнью и культурой России. Как никогда и нигде в христианстве, келья и скит отрезаны от мира, даже если они открыты пришельцам из него» (Федотов 2017: 209).

Последствия такого положения оказались поистине трагическими: весь пыл молодых людей, жаждавших обновления, оказался направлен на разрушительную, антисистемную по характеру деятельность. Сегодня кажется невероятным, но интеллектуалы начала прошлого века (которых принято воспринимать как гуманистов, пацифистов, почитателей Л. Толстого) в массе своей одобряли терроризм, практикуемый революционерами. Убийство воспринималось ими как нечто не просто нормальное, но должное, если это убийство «сатрапа и угнетателя» (то есть честно выполняющего свой долг государственного служащего).

Что это есть, как не дегуманизация своего политического противника? Многим ли она отличается от дегуманизации представителей иных этносов? Вот он – зримый итог двухсотлетнего отпадения от православия, христианства вообще. И стоит ли удивляться

воспоследовавшим ужасам Гражданской войны и сталинских репрессий?

Национализм и разрушение имперского принципа

На наш взгляд, император Александр III, столь любимый современными политиками патриотического направления, допустил большую ошибку, когда попытался противопоставить революционному движению заимствованную в Германии идеологию национализма.

Германия в этом отношении была противоположностью России. Она была в целом моноэтничной страной, разделенной политически, а Россия – ровно наоборот. О. фон Бисмарку нужно было убедить пруссаков, саксонцев, баварцев и вестфальцев, что все они – *Deutsche Volke*, и национализм в этом плане был наилучшим способом.

Россия же веками собирала вокруг престола разные этносы, цивилизации и расы, а трон здесь никогда не мыслился этническим символом. Для православных русский царь был прежде всего Богом данным Государем православного мира; для приверженцев иных конфессий – Белым Царем, которому они присягнули. Применение же принципов национализма в российской политике привело к возникновению иерархической лестницы этносов. В этот период появляются картины на тему «Народы России присягают императору», где люди в национальных костюмах расположены на разных ступеньках лестницы, ведущей куда-то ввысь, к подножию трона или государственному гербу. На верхних ступенях изображаются бородатые русские крестьяне, ниже украинцы в вышиванках, белорусы в соломенных шляпах, ниже татары, еще ниже – представители степных и сибирских народов и т. п. Евреи не изображались там вовсе.

Таким образом, был запущен процесс обособления этносов, и Февральская революция просто ускорила его. А советское правительство не могло сделать ничего иного, как только возглавить этот процесс, направив его против А. В. Колчака и А. И. Деникина, выступавших за «единую и неделимую Россию». А позднее, после победы над Белым движением, отступить было поздно, и воссо-

здать единое государство можно было лишь как объединение самостоятельных де-юре этнических советских республик.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что крушение монархии и государства в марте 1917 г. было закономерным итогом цепи событий, начало которой видится в 1881 г., когда у России был шанс встать на путь эволюционного развития. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения, но есть все основания полагать, что проживи Александр II еще 8–10 лет, история страны пошла бы по иному пути, на котором революция была бы невозможна.

Октябрьская революция, как указал уже П. А. Сорокин (2005: 388), продолжила Февральскую. Основанный пять лет спустя СССР, сформированный из республик, организованных на формально этнических основаниях, изначально содержал в себе угрозу распада. Удерживать его удавалось только при помощи политики кнута и пряника: жесткий централизованный диктат союзного центра сочетался с политикой предоставления многочисленных льгот и субсидий союзным республикам.

Можно предположить, что 1991 г. был продолжением 1917 г., и вслед за академиком Ю. С. Пивоваровым рассматривать некий единый Русский транзит, начавшийся в 1881 г. и не заверченный до сего дня (Пивоваров 2006: 9). Значит, храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге в самом деле символизирует ключевое, переломное событие российской истории. Наша современность началась там, на Екатерининском канале (ныне канал Грибоедова).

Идеологическое наследие революции и современная ситуация

Все сказанное выше, на наш взгляд, подтверждает, что Русский транзит еще не завершён, хотя, возможно, мы находимся на его финальной стадии. Угроза, заложенная при основании СССР, теперь не столь опасна. В значительной степени порожденные большевиками (а скорее, еще ранее, Александром III) проблемы национализма стали для России внешними. Хотя угроза сепаратизма внутри РФ сохраняется, но националистический дискурс опасен не столько пробуждением сепаратизма «этнических» субъектов РФ, поскольку в большей части этнических республик титульные

этноты не составляют большинства. Намного опаснее – размывание собственно русской идентичности. Ведь культурно-бытовые различия между жителями Архангельской области и жителями Краснодарского края ничуть не меньше, чем между последними и, например, жителями Осетии. Казалось бы, возможно, опираясь на это различие, объявить, например, казаков, заволжан, поморов, сибиряков и т. п. самостоятельными этносами. А если обратить взор на средневековую историю и вспомнить борьбу князей, можно и современных жителей Тверской области объявить потомками тех средневековых тверичей, завоеванных московским князем, и пытаться поднять на борьбу против «московской власти». А языковая общность вовсе не является противоядием от подобного территориального национализма. На примере Украины мы видим, что она не играет существенной роли. Большая часть солдат ВСУ между собой говорит по-русски, но это не мешает им стрелять по жителям непризнанных республик Донбасса. Исходя из сказанного, мы утверждаем, что Россия не может существовать не только в нынешних, но в каких бы то ни было иных границах, игнорируя имперский принцип государственной консолидации. Альтернативный вариант национального государства грозит РФ не только утратой «этнических окраин», но и смертельной опасностью превращения в рыхлую конфедерацию 85 и более враждующих княжеств.

Еще более опасны факторы отчуждения между населением и властью, сбои в системе обратной связи, ведущие опять-таки к коммуникационному разрыву. Причем этот коммуникационный разрыв относится не только к чиновникам. Пожалуй, даже в большей степени эффект Вавилонского столпотворения наблюдается в медиапространстве и внутри социально-гуманитарного научного сообщества. Обсуждаемые в СМИ проблемы, как правило, имеют лишь малое отношение к реальным процессам, протекающим в стране (Аксенова 2013) (исключение, по мнению автора, составляют только некоторые программы на телеканалах ОТР и «Спас»). А социально-гуманитарный дискурс, вращающийся вокруг проблем институциональной логики, делиберации, гендера и т. п., вообще до такой степени оторван от жизни, что подчас делается по-настоящему страшно: и за науку, и за страну.

Осталась на месте и антисистема, только теперь это не народо-вольцы и нигилисты вроде тургеневского Базарова, а так называемые «либералы». Хотя трудно понять, по какой причине СМИ, особенно после 2011 г., упорно называют так представителей несистемной оппозиции и сочувствующих им интеллектуалов. Последние, судя по их же собственным публичным заявлениям, являются кем угодно, только не либералами в строго научном понимании этого слова.

Но, несмотря на маргинальное положение в политике, эта группа контролирует почти 100 % шоу-бизнеса, значительную часть медиапространства (включая телевидение), науки, культуры и образования. И таким образом имеет массу возможностей для влияния на умы граждан, особенно молодежи.

Кроме того, сегодня Россию затронуло всемирное духовно-идеологическое оскудение, которое проявляется в отсутствии как конкретных политических программ развития общества, так и общего образа будущего³.

К выводам

Итак, какие же выводы можно извлечь из всего сказанного применительно к исследовательской задаче, поставленной в данной работе?

Первое. Привлекает внимание ярко проявившееся в период революции и первых послереволюционных лет свойство Русской Системы (снова прибегнем к терминологии академика Ю. С. Пивоварова) поглощать и переваривать различные инновации, либо сводя их на нет, либо адаптируя к своим исконным качествам.

Конечно, Октябрьская революция и последующие попытки большевиков воплотить в жизнь марксистский утопический проект стали грандиозным потрясением для всего российского общества. Но нельзя сказать, чтобы такого рода перипетии были для него внове. Заблуждением является распространенное (в значительной степени основанное на пропаганде самих революционеров) мнение

---

³ Здесь мы находим в современной ситуации подлинно библейские смыслы (Амос 8: 11–14). Да и прошедшие в 2018 г. президентские выборы в очередной раз показали выдающиеся способности кандидатов в области критики и чудовищную слабость в выработке какой бы то ни было позитивной программы.

о дореволюционной России как некоем царстве застоя. По словам британского историка (по нашему мнению, одного из лучших в западном мире знатоков России) Д. Хоскинга, «российский способ правления в XIX веке часто называют реакционным, но этот взгляд основан на поверхностном сравнении с западноевропейскими политическими системами. В действительности, начиная уже со времени Петра I, российские правительства были почти опасно радикальны в своем стремлении к проведению перемен» (Хоскинг 1995: 18). Мы бы могли к этому добавить лишь то, что и отсчитывать период «радикализма» даже с Петра Великого не вполне верно. Внимательное изучение истории показывает, что *все* российские правители, начиная с Ивана III Великого, постоянно проводили какие-то реформы, так или иначе перекраивая народную жизнь. И за века сам социальный организм выработал в себе определенный иммунитет к навязываемым сверху преобразованиям, усваивая лишь то, что соответствовало глубинным потребностям самого общества.

В статье нет возможности разбирать подробно то, каким образом действует этот механизм, мы намерены посвятить этому другие работы. Здесь же мы укажем на то, что в революционное время это свойство проявилось особенно ярко.

Не понимающие, не чувствующие Россию западнические интеллигенты, пришедшие к власти в Феврале, сумели сделать то, чего не удавалось, пожалуй, никому до них в истории: за полгода привести в недееспособное состояние всю социально-политическую систему огромной страны. Большевики же, изначально бывшие антисистемой, прямо декларировавшие разрушение «старого мира», придя к власти, удивительно быстро перестроились. По сути, уже заключение Брестского мира стало первым шагом к компромиссу с реальностью. А в сталинский период идеологической доминантой стала доктрина «социализма в одной, отдельно взятой стране», бывшая, в сущности, своего рода новым изданием учения Филофея, старца псковского Спасо-Елеазарова монастыря о «Москве – Третьем Риме». Были выброшены за борт левацкие (по сути антисистемные) идеи «пролетарской культуры», «отмены буржуазной морали», «свободной любви» (удивительно похожие на философию Хоркхаймера/Визегрунда, усиленно внедряемую на совре-

менном Западе) и т. п. Идеология большевизма обновилась почти до неузнаваемости, а практика во многом вернулась к имперским временам (Хоскинг 1995: 316).

Нет однозначного ответа на вопрос, была ли революция фактором развития. Мы не можем дать научно обоснованной картины того, как развивалась бы Россия, не случись Февраля (или, что правильнее, не погибни Александр II в марте 1881 г.). Любые рассуждения на эту тему будут лишь абстрактными спекуляциями, которые могут использоваться в художественной литературе, но не в академическом исследовании.

Потому и о главных достижениях советского периода: ликвидации неграмотности, победе над нацизмом, создании ядерного щита, прорыве в космос нельзя с уверенностью сказать, являются ли они исключительно плодом Октября. Заслуга коммунистов в этих свершениях несомненна, но нет никакой возможности проверить эмпирически, обязательны ли были для этого репрессии, лагеря, разрушение храмов, гонения на верующих, фактическая ликвидация русской деревни.

Представляется, что указанные достижения являются не столько следствием революции, сколько продуктом творчества народа, воплощением его глубинной традиции, актерской модели социального действия (Аксенова 2016). А главная заслуга партии и ее руководства – прежде всего в том, что они не пошли по пути, предложенному Л. Троцким, отказались от дальнейших усилий по разложению общества и основали развитие на принципах, укорененных в глубине именно российской социальной системы.

Также нельзя не отметить особую роль православия, даже не как сугубо религиозной доктрины, а как некой культурной доминанты, формы мироощущения. После 70 лет гонений на Церковь, после 1990-х гг., когда в Россию хлынула масса иностранных религиозных организаций и сект (от американских баптистов до возрожденной антисистемы «Аум Синрикё»), православие все равно сохраняется как одна из ключевых культурных доминант. Простое визуальное наблюдение (Штомпка 2010) показывает, что даже в небольших населенных пунктах, удаленных от дорог, архитектурной доминантой является православный храм. Исключение составляют только регионы с преобладающим мусульманским населением.

ем. Как показывают социологические исследования, хотя число активных верующих, регулярно посещающих храм и следующих принципам религии в частной жизни, относительно невелико, число людей, ассоциирующих себя с православием, в РФ превышает 80 млн. Наконец, как можно судить по проведенным нами исследованиям в регионах (и по данным из других источников), трактовка ключевых ценностно окрашенных понятий значительным большинством представителей иных автохтонных конфессий России и даже придерживающихся атеистического мировоззрения в целом близка к их трактовке в православной традиции. Речь идет о таких понятиях, как «вера», «любовь», «преданность», «смерть», «порядочность» и «непорядочность», «прекрасное» и «безобразное»...

Уровень образованности граждан сегодня существенно выше, чем сто лет назад. Люди по большей части, возможно, не рефлексируя, интуитивно, усвоили уроки 1917-го и 1980-х гг. Как показали исследования ВЦИОМ, осенью 2017 г. 92 % опрошенных согласились с утверждением «Что бы ни случилось, революцию в стране нельзя допустить» (в 2012 г. таких было 78 %) (Октябрьская... 2017). Но такое консолидированное мнение возникло не само по себе. Мы полагаем, что локальные акторы (руководители муниципальных образований, директора школ, домов культуры, гражданские активисты), то есть те, кто формирует социальную атмосферу локальных сообществ, – однозначно настроены против любых попыток организации в России каких бы то ни было преобразований насильственным путем. Российский локальный актор, обладая всеми качествами турэновского «действующего субъекта», по своим ценностным ориентациям является скорее интегратором в понимании Парсонса. В этой социокультурной специфике, которую можно считать особенностью России, мы видим основание для того, чтобы пройти современные глобальные трансформации путем эволюционным, а не революционным.

Литература

Аверроэс (Ибн Рушд). 1999. *Опровержение опровержения*. Киев: УЦИММ-Пресс; СПб.: Алетейя. 688 с.

Аксенова, О. В.

2013. Затерянный город: медийный конструкт и реальность. *Вестник Института социологии* 7: 62–74.

2016. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. М.: ИС РАН. 304 с.

Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra: Личность и творчество архимандрита Феодора (Бухарева) в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. Б. Ф. Егоров. 1997. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та. 831 с.

Бертельс, А. Е. 1959. *Насир-и Хосров и исмаилизм*. М.: Изд-во вост. лит-ры. 292 с.

Блок, М. 1986. *Апология истории, или Ремесло историка*. М.: Наука. 256 с.

Гумилев, Л. Н.

2008а. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: АСТ-Москва. 848 с.

2008б. *От Руси до России. Иллюстрированная история*. М.: АСТ-Москва. 368 с.

Достоевский, Ф. М. 1958. *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 9. М.: Гослитиздат. 636 с.

Каутилья. 1993. *Артхашастра, или «Наука политики»*. М.: Наука. 802 с.

Кошен, О. 2004. *Малый народ и революция*. М.: Айрис-пресс. 288 с.

Мень, А. В.

1989. *Два пути понимания христианства. Лекция, прочитанная 25 января 1989 г. в Доме культуры Московского завода автоматических линий*. URL: <http://www.alexandremen.ru/lectures/twoway.html> (дата обращения: 10.12.2019).

2006. *Истоки религии*. М.: Фонд имени Александра Меня. 287 с.

Милые Прыски. Августейшее семейство Великого князя К. К. Романова в Прысках (май – октябрь 1901 года). 2016. Калуга: Фридгельм. 159 с.

Немировский, В. Г. 2007. *Тайные общества и заговорщики: куда они ведут Россию*. СПб.: Питер. 238 с.

Октябрьская революция: 1917–2017. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3488. 11 октября. М.: ВЦИОМ, 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3607>.

Пивоваров, Ю. С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношениях*. М.: РОССПЭН. 168 с.

Подъячев, К. В. 2012. Политическая наука и политическая власть: к вопросу о предмете современной политологии. *Власть* 2: 103–107.

Путин, В. В. 2016. Послание Президента Федеральному Собранию РФ. *Официальный сайт Президента РФ* 1 декабря. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 10.12.2019)

Сорокин, П. А. 2005. *Социология революции*. М.: ИД «Территория будущего», РОССПЭН. 704 с.

Студеникина, Е. С. 2014. Социология революции: П. А. Сорокин vs В. И. Ленин. В: Фадеева, И. Е. (отв. ред.), *Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения)*. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ. С. 129–134.

Токвиль, А. 2000. *Демократия в Америке*. М.: Весь мир. 560 с.

Федотов, Г. П. 2017. *Святые Древней Руси*. М.: Ломоносовъ. 232 с.

Хоскинг, Дж. 1995. *История Советского Союза. 1917–1991*. М.: Вагриус. 123 с.

Штомпка, П. 2010. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*. М.: Логос. 200 с.